

МОУ СОШ № 16 с.Казьминское Кочубеевского района Ставропольского
края

Сестры милосердия

Презентацию выполнил
ученик 8 В класса
Брехин Алексей

2008 – 2009 уч.
г.

Сестры милосердия

**Баронесса
Юлия Петровна
Вревская
(1841-1878)**

**Великая княгиня
Елизавета Федоровна
Романова (1864-1918)**

**Великая княгиня
Елизавета Федоровна
и
великий князь
Сергей Александрович.**

**Великая княгиня
Елизавета
Фёдоровна**

« Я испытывала такую глубокою жалостью к России и её детям , которые в настоящее время не знают , что творят. Разве это не больной ребёнок , которого мы любим во сто раз больше во время его болезни , чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания , помочь ему . Святая Россия не может погибнуть . Но великой России , увы, больше нет . Мы ... должны устремить свои мысли к Небесному Царствию ... и сказать с покорностью : «Да будет воля Твоя». (Из письма Елизаветы Федоровны)

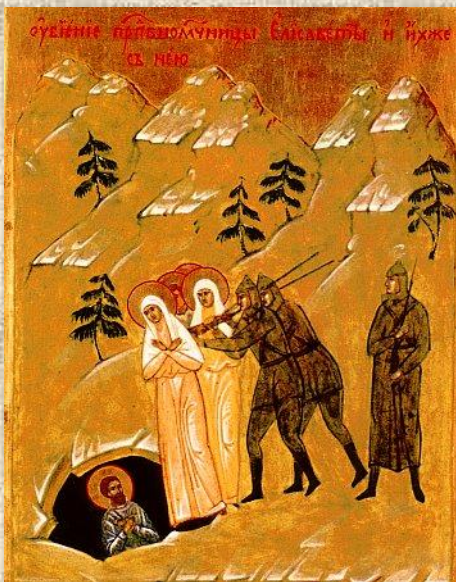
*« Я оставляю блестящий мир...
но вместе со всеми вами я восхожу
в более великий мир – в мир бедных
и страдающих».*

**Святая преподобномученица
великая Княгиня
Елизавета Фёдоровна**

**Святая преподобномученица
великая Княгиня
Елизавета Фёдоровна**

**Святая
преподобномученица
великая Княгиня
Елизавета Фёдоровна**

Баронесса Юлия Петровна Вревская

«Никогда эта женщина не сказала ни о ком ничего дурного и у себя не позволяла никому злословить, а, напротив, всегда и в каждом старалась выдвинуть его хорошие стороны», - вспоминает В.А.Соллогуб.

**Ипполит
Александрович
Вревский**

**Баронесса
Юлия Петровна
Вревская**

*В Кочубеевском районе есть хутор Вревский,
который получил свое название в память о
герое Кавказской войны Ипполите Александровиче
Вревском*

31 декабря, Белая - Н.П. Вревской

"Я уже писала тебе, что тут слишком много дела, чтобы можно было решиться оставить; все меня тут привязывает, интересует; труд слишком мне по сердцу и меня не утомляет, а о болезнях Бог ведает. Тут я подвержена эпидемиям меньше, чем в другом месте. Все тут дорого, я живу на свой счет, малейшая вещь тут на вес золота... <...> Я весь день в больнице. В приемном покое бывает от 70-78 больных. Теперь мне дали одного сумасшедшего солдата, он очень страдает, его едва привязали к кровати в сумасшедшей рубахе, его едва укротили пять человек, но все бедный мечется. Так мне его жаль, я его кормлю, он меня узнает (это был тифозный больной, от которого, по словам очевидцев, и заразилась Ю.П. Вревская - ред)."

Памяти Юлии Вревской

Иван Сергеевич Тургенев

"На грязи, на вонючей, сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный госпиталь, в разоренной болгарской деревушке - с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспмятстве - и ни один врач даже не взглянул на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могли держаться на ногах, поочередно поднимались со своих зараженных логовищ, чтобы поднести к ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез.

Нежное, кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала - и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике - никто не знал никогда, а теперь, конечно, не узнает. Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже ее трупу - хотя она сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится ее милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на ее могилу!"

Под Красным Крестом

Яков Петрович Полонский

Семь дней, семь ночей я дрался на Балканах,
Без памяти поднят был с мерзлой земли,
И долго в шинели изорванной, в ранах,
Меня на скрипучей телеге везли.
В каком-то бараке очнулся я, снятый
С телеги, и понял, что это барак.
День ярко сквозил в щели кровли дощатой,
Но день безотраден был - хуже, чем мрак.

.....
А вот подошла и сестра милосердия!
Волнистой косы ее свесилась прядь...
Я дрогнул: "К чему молодое усердьё?
Без крика и плача могу я страдать...
Оставь ты меня умереть ради Бога!"
Она поглядела так кротко и строго,
Что дал я ей волю и раны промыть,
И раны промыть, и бинты наложить.
И вот над собой слышу голос я нежный:

"Подайте рубашку!" - и слышу в ответ
Ответ нерешительный, но безнадежный:
"Все вышли, и тряпки не стиральной нет!"
И мыслю я: Боже, какое терпенье!
Я, дышащий труп, я одно отвращенье
Внушаю, но нет его в этих чертах
Прелестных и нет его в этих глазах.
То грезил я, то у меня дыбом волос
Вставал, то в холодном поту я кричал:
"Рубашку, рубашку!" И долго мой голос
В ту ночь истомленных покой нарушал.
В туманном мозгу у меня разгорался
Какой-то злой умысел, и порывался
Бежать я, как вдруг, слышу, катится гром.
И ветер к нам в щели бьет крупным
дождем!

Притих я, смотрю, среди призраков ночи
Сидит, в красноватом мерцанье огня,
Знакомая тень, и бессонные очи,
Как звезды сквозь сумрак, глядят на
меня.

Вот встала, идет, и лицо наклоняет
К огню, и одну из лампад задувает...
И чудится, будто одежда шуршит,
По белому темное что-то скользит...
И странно, в тот миг, как она замелькала -
Как дух, над которым два белых крыла
Взвилась, - я подумал: бедняжка устала,
И если б не крик мой, давно бы легла.
Но вот снова шорох, и снова в одежде
Простой (в той, в которой ходила и прежде)
Она из укромного вышла угла,
И светлым виденьем ко мне подошла,
И с дрожью стыдливой любви мне сказала:
"Привстань! Я рубашку тебе принесла"...

Я понял: она на меня надевала
Белье, что с себя потихоньку сняла.
И плакал я... Детское что-то, родное
Проснулось в душе, и мое ретивое сердце
Так билось в груди, что пророчило мне
Надежду на счастье в родной стороне...

.....
И вот я на родине! Те же невзгоды...
Но нет, не забыть мне сестрицы святой!
Рубашку ее сохраню я до гроба...
И пусть наших недругов тешится злоба...
Я верю, что зло отзовется добром:
Любовь мне сказала под Красным
Крестом

